

относятся работы И.М. Сеченова и И.П. Павлова по психофизиологии; Л.С. Выготского и А.Р. Лурии о высших психических функциях; Л.М. Векера о единой теории психических процессов; Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна о связи формирования речи с развитием познавательных процессов в контексте общения; концепция интегративного подхода к “человекознанию” Б.Г. Ананьева; суггестологическая теория Г. Лозанова о внутренних резервах личности, скрытых в неосознаваемой психической активности, и построенный на ней метод обучения иностранным языкам, и целый ряд других.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. – М., 2001.
2. Артемов В.А. Экспериментальная фонетика. – М., 1956.
3. Вундт В. Введение в психологию. – СПб., 2002.
4. Вундт В. Проблемы психологии народов. – СПб., 2001.
5. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М., 1999.
6. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997.
7. Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
8. Жинкин Н.И. Язык – Речь – Творчество: Избр. тр. / Сост., прим. С.И. Гиндина. – М., 1998.
9. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1972.
10. Петровский А.В. Психология в России. XX век. – М., 2000.
11. Петровский А., Петровский В. “Я” в “других” и “другие” во “мне” // Популярная психология: Хрестоматия / Сост. В.В. Мироненко. – М., 1990.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб., 1999.
13. Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1973.
14. Watson J. Behaviorism. – Chicago, 1930.

УДК 81.411.2

РЕЧЕВАЯ СПОСОБНОСТЬ КАК БАЗА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИЛИНГВИЗМА

Татьяна Тамерьян
(Владикавказ, Россия)

У статті розглядається мовленнєва здібність, що є багатокомпонентною ієрархічно організованою функціональною системою, процес розвитку якої здійснюється шляхом надбудови нових когнітивних структур.

Ключові слова: мовленнєва здібність, полілінгвізм, мовленнєва компетенція, комунікативна компетентність, когнітивна структура.

В статье рассматривается языковая способность, представляющая собой многокомпонентную иерархически организованную функциональную систему, процесс развития которой протекает путем надстройки новых когнитивных структур.

Ключевые слова: речевая способность, полилингвизм, языковая компетенция, коммуникативная компетентность, когнитивная структура.

The article examined the linguistic ability which presents by itself the multicomponent hierarchically organized functional system, the process of the development of which results by the upper building of new cognitive structures.

Key words: speech ability, polylinguism, linguistic competence, communicative competence, cognitive structure.

Изложение основного материала. Разграничение понятий компетенции (linguistic competence) и пользования языком (linguistic performance) традиционно идет от Н.Хомского, который выделял ментальные репрезентации языковых правил, выступающих в роли внутренней грамматики идеального говорящего – слушающего, существующего в однородной речевой общности, знающего свой язык в совершенстве, понимающего и продуцирующего речь в конкретных ситуациях [Chomsky 1978]. Дальнейшее использование термина “языковая компетенция связывалось с реальным, а не идеальным пользователем, а его разработка и переосмысление привели к необходимости выделения других видов/аспектов компетенции.

С точки зрения современных теорий, “<...> в генеративной грамматике врожденными считаются не только абстрактные механизмы, накладывающие ограничения на форму языковых систем, <...> но даже такой специфический аспект языка, как синтаксис. <...> В теории врожденного знания утверждается, что <...> иерархическая организация вписана в генетический код в результате действия такого принципа, как принцип трансформационного цикла” [Ажеж 2003: 28]. Подробный анализ “врожденных знаний” был осуществлен А.М.Шахнаровичем и Н.В.Уфимцевой.

“Компетенция для Н.Хомского – это индивидуальное владение языком, которое не является объектом конкретного исследования, а скорее, постулируется в качестве исходного пункта генеративной теории” [Кацнельсон 2001: 663]. Тогда как под генеративной грамматикой понимается описание компетенции, присущей лицам, владеющим языком.

Проанализировав понятие компетенции у Н.Хомского, С.Д.Кацнельсон резюмирует, что оно содержит следующие положения: “1) владение языком предполагает способность отличать “нормальные”, т.е. правильные, предложения данного языка от неверных, аномальных, неправильных; 2) такая способность предполагает способность усматривать за каждым предложением структурную схему, операционную формулу его построения; в какой-то мере догадываться о том, как такое предложение построено, каковы последовательные фазы процесса его построения; 3) в конечном счете это означает, что компетенция сводится к интуитивному и обобщенному знанию системы правил, приписывающих каждому предложению его структурное описание; 4) от порождающей грамматики компетенция отличается лишь своей интуитивностью, модусом осознания; то, что генеративист проделывает эксплицитно, то компетенция совершает интуитивно (что порождающая грамматика стремится сделать “некоторым эксплицитным и хорошо определенным образом”, т.е. приписывает предложениям их структурные описания, то всякий правильно говорящий и правильно понимающий на данном языке проделывает интуитивно)” [там же].

Таким образом, понятие компетенции не ориентировано на язык и его употребление – в своей основе языковой автомат Н. Хомского синтаксичен и асемантичен.

Здесь необходимо отметить, что взгляды Н. Хомского развивались в его последующих работах. Если первоначально под “врожденными структурами” он понимал глубинные синтаксические структуры, то и позднее под этим понятием он имел в виду “язык как структуру знаний”. А.Р.Лурия полагает, что глубинные синтаксические структуры следует считать “отражением основных реальных отношений, существующих в действительности и проявляющихся во всей, в том числе и в неречевой, деятельности человека” [Лурия 1975 : 148].

Понимание феномена коммуникативной компетенции (КК) американским социолингвистом Д.Хаймсом во многом определило современное видение проблемы. Д.Хаймс признавал за Н.Хомским приоритет введения термина “компетенция”, поскольку в своих первых работах, описывая языковую способность, он прибегал к терминам “способности” или “способности и умения” [Hymes 1984 : 125]. Как отмечает Д. Хаймс, введение термина “компетенция”, несомненно, расширило сферу лингвистической теории, изменило цель лингвистического описания от объекта, независимого от людей, к человеческой способности. Тем не менее Д.Хаймс критиковал содержание понятие компетенции у Н.Хомского, поскольку оно сводилось к знанию грамматики, а все другие аспекты знания и способности говорящего определялись им как перформация (performance). Употребление/использование (performance) включает в себя всю область речевого поведения, а также неграмматические аспекты речевой способности: психологические ограничения памяти, выбор альтернативных возможностей, стилистический выбор и прочее. По мнению Д. Хаймса, при изучении феномена компетенции должны учитываться также социальные факторы, определяющие выбор грамматической реализации, осуществляемой на основе знаний в соответствии с определенными правилами. “Такое знание может рассматриваться как аспект компетенции в обычном значении этого слова. Лингвистическая теория должна расширить понятие компетенции за пределы грамматического знания” [Hymes 1977 : 92–93].

Компетенция в его понимании – это способность, не врожденная, а приобретенная в результате взаимодействия человека с окружающей средой. Формирование свободного владения языком (на примере овладения языком ребенком) представляется возможным только в процессе социализации. “Внутри социальной матрицы, в рамках которой ребенок овладевает грамматикой, он овладевает также системой ее использования в зависимости от отношений между говорящими, места, целей высказывания, других способов коммуникации и т.д. – всех компонентов коммуникативных событий <...>. Все это составляет “социолингвистическую” (или, более широко, коммуникативную) компетенцию, позволяющую человеку быть не просто говорящим, а членом социально обусловленной системы общения” [там же : 75].

Некоторые авторы, вслед за Н.Хомским, считают, что при формировании функциональных структур речевого поведения ребенка осуществляется реализация врожденной программы, поскольку “любой естественный язык – это простая и в высшей степени системно организованная реализация некой сложной модели, обладающей рядом весьма специфических свойств. В той мере, в какой эти наблюдения подтверждаются, они показывают, что структура усваиваемой говорящим грамматики должна отражать, по-видимому, в гораздо большей степени, чем мы сейчас ожидаем, скорее общие особенности

человеческих способностей к обучению, нежели конкретные особенности накопленного данным говорящим опыта” [Chomsky 1965 : 168].

Г.Гревендорф полагает, что языковая способность занимает промежуточную позицию между врожденной и приобретенной. Согласно гипотезе “развития структур”, языковая способность представляет собой “универсальный принцип, в соответствии с которым все биологические системы подвержены процессу созревания по мере того, как биологический рост делает это возможным” [Grewendorf 1995 : 117].

Х.Мюллер рассматривает языковую способность как форму общих когнитивных способностей: “Сам язык представляет собой лишь одно из внешних проявлений когнитивных процессов высшего порядка. Совокупность когнитивных процессов человека есть то, что называют сознанием и языковой способностью” [Muller 1990 : 84].

На необоснованность противопоставления врожденного и приобретаемого из опыта указывает М.Тернер, поскольку часть усваиваемого ребенком опыта настолько устойчива и универсальна, то может выглядеть как врожденная [Turner 1994]. Вопрос о соотношении врожденного и приобретенного в речевой деятельности человека остается дискуссионным. Общеизвестно, что человек обладает врожденной языковой способностью (психофизиологическим механизмом), обеспечивающей возможность речи. К.Ажеж полагает, что “языковая способность, с момента рождения вписанная в генетический код, очень быстро приобретает социальное содержание. На этом основана гипотеза об изначальном разнообразии языков в противовес единству языковой способности” [Ажеж 2003 : 13]. Так называемые врожденные знания имеют когнитивную и социальную природу.

Ф. де Соссюр подошел к осознанию модели речевой деятельности, связывая речевую способность с индивидуумом [Соссюр 1977 : 47–48]. Ф. де Соссюр отмечает, что осуществление речевой деятельности основывается на способности, присущей от природы, тогда как язык представляет собой нечто усвоенное и условное. Под языковой способностью он понимал естественную для человека “способность усваивать язык в процессе говорения”, а также способность человека воспроизводить правила языка в речи, использовать код языка с целью выражения своей мысли [Соссюр 1977 : 48–49, 52].

Продукт, предшествующий речевой деятельности И.А. Бодуэн де Куртенэ называл “языковым чутьем”: “В области языка объективным руководителем при подобных научных операциях должно служить чутье языка и вообще его психическая сторона. Ссылаюсь же я на чутье языка потому, что для меня оно не есть какая-то выдумка, не есть какой-то субъективный самообман, но факт действительный и вполне объективный” [Бодуэн де Куртенэ 1963: 22].

Языковая способность (Sprachermogen), по В. фон Гумбольту, как принадлежность говорящего и понимающего индивида “покоится в глубине души отдельного человека, но приводится в действие только при обращении” [Гумбольдт 1984:381]. Обладая такой “природной способностью к языку”, человек сам создает национальное своеобразие своего языка: “Из словаря он возьмет как можно больше форм и будет удерживать их в памяти, представляя своей языковой способности вывести из этих отдельных форм обобщенный тип формы данного языка” [там же : 347].

В. фон Гумбольдт считал, что механизм языковой способности является

врожденным, предполагая развертывание этой способности у формирующейся языковой личности под влиянием внешних факторов: “Усвоение языка детьми – это не ознакомление со словами, не простая закладка их в памяти и не подражательное лепечущее повторение их, а рост языковой способности с годами и упражнениями <...>. Успехи здесь растут поэтому не как при заучивании вокабул <...>, но с постоянно увеличивающейся скоростью, потому что рост способности и накопление материала подкрепляют друг друга и взаимно раздвигают свои границы. Что у детей происходит не механическое выучивание языка, а развертывание языковой способности, доказывает еще и тем, что коль скоро для развития главнейших способностей человека отведен определенный период жизни, то все дети при разных обстоятельствах начинают говорить и понимать внутри примерно одинаковых возрастных пределов с очень небольшими колебаниями” [Гумбольдт 1984 : 78]. Таким образом, в качестве свойств языковой личности выделяются динамизм, процессуальность и функциональный принцип организации.

Идея о развертывании наследуемой языковой способности развивалась в трудах ряда психологов и психолингвистов: “Гораздо более основательной является, вероятно, позиция тех, кто считает, что человек биологически наследует некую общую основу развертывания любого языка, своего рода универсальную грамматику. Сомнительно, чтобы младенец “начинал с нуля” и овладевал за короткий период наименее сознательной части своей жизни сложнейшим механизмом речи” [Горелов 1974 : 8].

Теория когнитивного развития восходит к работам швейцарского психолога Жана Пиаже, а в отечественной науке к трудам Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева и А.Р. Лурии.

Ж. Пиаже исходит из того, что при рождении у ребенка уже имеются “недефинированные схемы”, благодаря которым через опыт формируется интеллект, обеспечивающий, в свою очередь, овладение абстрактными грамматическими знаниями. Язык, таким образом, является продуктом интеллекта [Пиаже 1996].

Согласно Ж. Пиаже, интеллектуальный рост биологически детерминирован и состоит из двух процессов: адаптации, т.е. когнитивного приспособления (ассимиляция и аккомодация), и организации, т.е. построения все более сложных интегрированных мысленных операций. Когнитивное развитие характеризуется количественными линейными изменениями, происходящими в пределах одной стадии, и качественными изменениями на четырех основных стадиях: сенсомоторной, дооперациональной, стадии конкретных операций и стадии формальных операций. Л.С.Выготский отвергает строгий биологический детерминизм и предполагает, что научение предшествует развитию. Он считает, что мышление и речь имеют независимое происхождение, причем мышление биологически детерминировано, речь детерминирована социально, но их интеграция происходит тогда, когда ребенок соединяет мысль, язык и окружающие события посредством их названия [Выготский 1982].

Психологическая школа Л.С. Выготского исходит из того, что языковая способность – это приобретенный в процессе речи опыт языкового субъекта, обусловленный процессами общения, сознания и практики. Согласно трактовке Л.С.Выготским психики как функции индивидуального и социального, в отношении двуязычия акцентируется влияние социальных факторов на формирование билингвистических способностей человека.

Нейрофизиологическим обоснованием механизма языковой способности является признание двух относительно автономных ментальных структур в качестве основы. Вербальная левополушарная структура дискретных единиц реализуется в жестких логических правилах. Вербальная правополушарная структура обеспечивает соотнесение вербальных структур с внешним миром на основе перцептивного эталона, сохраняющего цельность и континуальность события. Взаимодействие мо новых структур происходит в виде обмена опытом функционирования.

Становление речевой организации индивида связано не только с переработкой языкового опыта, но и с взаимодействием человека с окружающим миром. Поскольку переработка речевого опыта изначально включена в формирование образа мира и его переструктурирование, то языковые средства оказываются слитыми с тем для обозначения чего они используются [Залевская 1999 : 34].

В речевой деятельности, обусловленной социопсихофизиологической организацией индивида, В.И. Карасик выделяет пять аспектов: языковую способность, коммуникативную потребность, коммуникативную компетенцию, языковое сознание и речевое поведение. Причем “языковая способность и коммуникативная потребность выступают как предпосылки для овладения языком и осуществления общения”, а “коммуникативная компетенция – как проявление языкового сознания в выборе средств общения” [Карасик 2004 : 8].

Как писал Л.В. Щерба, в качестве речевого механизма выступает речевая организация человека во взаимодействии составляющих ее единиц, их упорядоченности и процессов, через которые происходит формирование речевой организации и ее использование для разных целей [Щерба 1974].

А.А.Залевская дает определение языкового/речевого механизма как устройства, доступного для исследования на различных уровнях, предназначенного для осуществления определенных процессов, обладающего возможностями (и накладываемыми на них ограничениями), которые определяются материальным субстратом – мозгом [Залевская 1999:51]. При этом механизм и процессы находятся в отношениях взаимообусловленности и взаимозависимости. Общими характеристиками работы языкового/речевого механизма являются функциональность (предназначенность для использования в целях какой-либо деятельности), динамичность (способность формироваться, варьироваться, развиваться в соответствии с внешними и внутренними условиями осуществления деятельности), интегративность (способность обеспечивать компрессию смысла за счет включения “в себя” комплекса потенциальных возможностей развертывания ситуации, описания объекта и пр.), кодовая вариативность (разнообразие форм репрезентации знаний) [там же : 53].

Речевая способность как внутренний психофизический и психический механизм обеспечивающий восприятие и продуцирование речи, соотносится с языковой способностью по принципу классической дихотомии язык – речь.

Речевая способность (включающая в себя языковую способность) как психофизиологическая функция отражает и обобщает внешние речевые явления, переводя их во внутренние коды, обеспечивая тем самым овладение и владение речью.

Понятие “языковая способность” было введено в психолингвистику А.А.Леонтьевым - оно легло в основу теории речевой деятельности, согласно

которой язык является ненамеренным детерминированным следствием определенных речевых действий [Залевская 1977 : 4].

Вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ, А.А. Леонтьев разграничивает организацию языкового мышления общечеловеческого характера и способность к конкретному (этническому) языку. Он понимает под языковой способностью “совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство и воспроизводство адекватное восприятие языковых знаков членом языкового коллектива” [Леонтьев А.А. 1965 : 154–155].

Л.В.Щерба выделил три аспекта языковых явлений – речевую деятельность (процессы говорения и понимания), языковые системы (словари и грамматики языков) и языковой материал (совокупность всего говоримого и понимаемого некоторой общественной группой). При этом подчеркивалось, что речевая деятельность обуславливается сложным речевым механизмом человека или психофизиологической организацией индивида [Щерба 1974 : 25].

Само понятие языковой способности восходит к идее Л.В. Щербы о психофизиологической речевой организации индивида как система потенциальных языковых представлений. Он подчеркивает, “что говорящий совершенно не различает форм слов и сочетаний слов, никогда не слышанных им и употребляемых им впервые, от форм слов и сочетаний слов, им много раз употреблявшихся, поскольку мы имеем право сказать, что вообще все формы слов и сочетаний слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента. Из этого с полной очевидностью следует, что этот механизм, эта речевая организация человека никак не может равняться сумме речевого опыта (подразумеваю под этим и говорение и понимание), а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта. Эта речевая организация может быть только физиологической или, лучше сказать, психофизиологической...” [Щерба 1974 : 25].

Как заключает А.А. Залевская, Л.В. Щерба фактически выделил не три, а четыре аспекта языковых явлений [Залевская 1977 : 4].

Ф. де Соссюр был одним из первых исследователей, осознавших факт многоликости языка. Как отмечает Ю.Д. Апресян, “он понял, что язык скрывает не один, а несколько объектов” [Апресян 1966 : 27].

Концепция трехкомпонентности языка разрабатывалась В. фон Гумбольдтом, И.А. Бодуэном де Куртенэ, Л.В. Щербой, А.И. Смирницким и другими. Одна из модификаций этой концепции предложена А.А.Леонтьевым: языковая способность (модель речевого механизма, *faculte du langage* Соссюра, “речевая организация” Щербы), языковой процесс (модель речи в узком смысле, *parole* де Соссюра, “речевая деятельность Щербы), языковой стандарт (модель собственного языка, *langue* де Соссюра, “языковая система” Щербы) [Леонтьев А.А. 1965 : 20]. Причем он соотносит языковую способность с двумя другими компонентами речевой деятельности: “Понятие языковой способности является понятием, коррелятивным двум другим – языковому процессу и языковому стандарту - и лишь в этом качестве выделяется нами” [Леонтьев А.А. 1965 : 55].

Близкую позицию занимает А.М. Шахнарович. По его мнению, языковая способность – “это многокомпонентная функциональная система, являющаяся следствием отражения (и генерализации) элементов системы родного языка”, которую следует рассматривать только как часть триады “система – процесс –

механизм” [Шахнарович 1995 : 261]. Языковая способность как механизм является динамическим образованием [там же]. “Это своего рода конструкт, функционирующий по определенным правилам. Таким образом, языковая способность – это некоторая система элементов и правил их реализации. В этой системе, имеющей, по-видимому, иерархическое строение, есть ряд компонентов – фонетических, лексических, грамматических и семантических. Языковая способность является своего рода способом “хранения” языка в сознании и одновременно – способом реализации отраженных сознанием элементов системы языка” [там же : 214].

Впрочем, следует отметить, языковая способность служит определяющим механизмом функционирования не только родного, но последующих усвоению языков (второго, иностранного и т.д.).

Заслуживает внимания и другой подход к построению трехкомпонентной модели языка, когда каждая компонента рассматривается изолированно: языковая способность соотносится с антропологическим аспектом, язык как система – внутриязыковым, а речевое действие социальным.

В условиях би/полилингвизма формирование языковой способности связывается непосредственно с формированием би/полилингвальной личности, когда языковая способность индивида выступает как динамическая функциональная система (по Л.В.Щербе), способная к эволюции (развертыванию) в процессе формирования языковой компетенции. Формирование языковой компетенции как знания языка связано с формированием коммуникативной компетенции как владением им. Однако не наблюдается непосредственной корреляции между степенью развернутости языковой/речевой способности и развитием языковой/речевой компетенции.

Процесс развития языковой способности непосредственно связан с надстройкой новых когнитивных структур, не присущих родному языку индивида. Успешность овладения новым языком, с одной стороны, зависит от уровня владения родным (что подтверждается наличием универсальных когнитивных стратегий, обработки, восприятия и понимания информации, так называемой когнитивной компетенции, служащей основой развития языковой/коммуникативной компетенции индивида), с другой стороны, очевидно его интеррегулирующее влияние на всех языковых уровнях. Однако следует заметить, что однозначной зависимости между языковой способностью и языковой/коммуникативной компетенцией не существует. Хотя неразвитость языковой способности несомненно служит препятствием речесмыслопорождению.

И.Н.Горелов полагает, что “язык не является базой интеллектуальных действий, существует некоторый базис интеллектуальных действий, обеспечивающих переход от авербальной знаковой деятельности к вербальной” [Горелов 1974 : 105], т.е. некоторый механизм когнитивной компетенции. Таким образом, подтверждается наличие и взаимосвязь, по крайней мере, трех составляющих речевого механизма человека – языковой способности, языковой компетенции и коммуникативной компетенции.

Выводы. Таким образом, языковая способность представляет собой многокомпонентную иерархическую организованную функциональную систему, которая:

1) формируется на базе врожденных и приобретенных языковых структур;

- 2) основывается на совокупности психофизиологических условий, обеспечивающих функционирование языкового/речевого механизма человека;
- 3) складывается как следствие отражения и генерализации в процессе овладения и пользования родным (первым) языком;
- 4) включает в себя особенности организации языкового мышления и его функционирования в процессе речевой деятельности;
- 5) является динамическим образованием, способным к разветвлению под влиянием внешних факторов;
- 6) функционируют на основе универсальной стратегии обработки информации;
- 7) способны к усложнению механизма в результате надстройки новых когнитивных структур;
- 8) проявляет динамичность как следствие эволюции механизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М., 2003.
2. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966.
3. Бодуэн де Куртэнэ. Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. – М.: АН СССР, 1963.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр.соч. в 6-ти т. – Т.2. – М., 1982.
6. Горелов И.Н. Проблемы функционального базиса речи в онтогенезе. – Челябинск: ЧГУ, 1974.
7. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. – Калинин: КГУ, 1977.
8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 1999.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
10. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
11. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. – М.: Наука, 1965.
12. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М.: МГУ, 1975.
13. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. –М., 1996.
14. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
15. Уфимцева Н.В. Динамика и вариантность языкового сознания. Автореф. дис. ... д-ра психол.наук. –М., 1994.
16. Шахнарович А.М. Общая психолингвистика. – М.: РОУ, 1995.
17. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.
18. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.
19. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague: Mouton, 1978.
20. Grewendorf G. Sprache als Organ. Sprache als Lebensform. Anhang. Frankfurt am Main, 1995.
21. Hymes D. Foundations in sociolinguistics. An ethnographic approach. London, 1977.
22. Muller H.M. Sprache und Evolution. Grundlagen und Ansätze einer evolutionstheoretischer Sprachwissenschaft. Berlin – New-York, 1990.
23. Turner M. Aspects of invariance hypothesis//Cognitive Linguistics. 1990. Vol.1. № 2.